

Социально-политические аспекты постсекулярной цивилизации.

Образ теракта 11 сентября в философии Жана Бодрийера: глобализационное бессознательное запада и российский контекст*.

Подорога Б.В., Институт философии РАН
boris.podoroga@gmail.com

Аннотация: В данной статье мы попытаемся проанализировать позднее философское творчество Жана Бодрийера, отправляясь от обозначенной им проблемы кризиса проекта глобального политического порядка, симптомом которого является теракт 11 сентября. Мы сделаем это с опорой на материал работ Бодрийера 90-х и 2000-х годов («Войны в заливе не было», «Дух терроризма», «Гипотезы о терроризме», «Под маской войны» и другие). Будет реконструирована логика, в соответствии с которой теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке оказывается выражением упадка проекта глобального политического порядка, в условиях которого он раскрывается в качестве современного западноевропейского политического мифа. Будут обсуждаться два ее ключевых аспекта: цивилизационный и медийный. Если первый определяется своего рода отрицательной диалектикой глобального и сингулярного (утверждение глобального, уничтожающее, по Бодрийеру, уникальные культуры и сообщества, несет за собой возрождение сингулярного на уровне простого отрицания глобального, выражением которого и оказывается терроризм), то второй – в дестабилизирующем воздействии самого медийного видеобраза 11 сентября, который выступает в качестве образа символического крушения западного проекта глобального порядка (обрушение его экономического и политического центров – Всемирного торгового центра и Пентагона) и триггера его социальной трансформации, при которой он теряет свои облик либерального проекта, направленного на защиту прав и свобод и человека и превращается в полицейский порядок, связанный с контролем, запугиванием и культом безопасности. Мы покажем, что Россия в контексте масштабного кризиса глобализации, развернувшегося после 11 сентября и продолжающегося по сей день невольно оказывается средством символической дестабилизации Запада.

Ключевые слова: Жан Бодрийер, терроризм, симуляция, реальное, символ, 11 сентября, медиа.

---

* Статья подготовлена в рамках работы по Программе фундаментальных исследований РАН «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

Article is prepared within the work on Fundamental RAS research Program: «Multifactor challenges and risks of transition to new scientific-technology and economic stage development of Russia fundamental and applied problems».

В настоящей статье мы хотели бы обсудить аспекты концепции кризиса современной западной (евроатлантической цивилизации) Жана Бодрийера, опираясь на серию его работ, посвященных проблеме теракта 11 сентября («Прозрачность зла», «Войны в заливе не было», «Дух терроризма» и некоторые другие) и показать, что эта концепция может быть использована в качестве средства анализа тех политических

представлений о современной России, которые имеет Запад сегодня. Теоретическая оптика Бодрийяра во многом позволяет объяснить, почему нынешняя Россия вместе с ее нарушениями международного права (присоединение Крыма, поддержка Асада в Сирии и так далее), которые, как настаивает евроатлантический политический консенсус, она допустила *формально* сближают ее (опять-таки с точки зрения последнего) с террористическими организациями и «странами-изгоями».

I

В фильме «In Memoriam: New York city 9/11/01» интервью с участниками трагических событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года чередуются с кадрами теракта и его последствий. Вспомним наиболее памятные из них.

Нью-Йорк. Солнечное утро. Сотрудники ремонтной службы ведут рабочую съемку. Вдруг шум, камера поднимается вверх и фиксируют пролетающей прямо над головами прохожих Boeing, который через мгновение врезается в северную башню Всемирного торгового центра. Слышен страшной силы взрыв, крики людей, пламя и дым охватывают всю верхнюю часть небоскреба. Через пятнадцать минут второй самолет врезается в южную башню. С земли нам показывают крошечную фигурку человека, выпрыгивающего из верхнего этажа башни. Через час мы наблюдаем ее обрушение, в ходе которого в сторону камеры и стоящих по близости людей стремительно надвигается громадное облако серого дыма, смешанного с пылью и частями несущих конструкций. Вскоре падает и северная башня. Затем кадры съемки с воздуха, на которых мы видим, что весь Манхэттен буквально утопает в густом дыме, полностью скрывающего улицы и мелкие строения. После – видео снизу: люди идут во мгле, закрывая лицо первыми попавшимися под руку тряпками, чтобы не задохнуться.

Неужели мы видим документальные кадры? Или быть может нам показывают очередной голливудский блокбастер, замаскированный под экстренный выпуск новостей? Вероятно, эти вопросы приходили в голову не только тем, кто видел теракт по телевизору, но и тем, кто созерцал его воочию. И даже после того, как люди с ужасом убеждались в том, что имеют дело с реальной террористической атакой, они осознавали, что все это они уже видели... в кино. В самом деле, тот факт, что кадры, вошедшие в *In Memoriam*, напоминают кадры из популярных фильмов-катастроф, неоднократно становился предметом обсуждения. Так, к примеру, Ив Дюпе сопоставляет кадр, на котором самолет врезается в башню, и кадр из фильма «День независимости», где корабль инопланетян разрушает небоскреб выстрелом из плазмпущи¹. Американский политический теоретик, Дуглас Келлнер, обсуждает сходство видеозаписи пожара на верхних этажах ВТЦ с кадрами из «Ада в поднебесье» (1974) – фильма-катастрофы, повествующего о пожаре в небоскребе². Кадры, запечатлевшие падающих «близнецов», заставляют вспомнить фильм «Землетрясение» (1974), с его знаменитыми кадрами обрушения дамбы. В этом плане, симптоматичным оказывается также и то, что после теракта официальные лица упрекали режиссера Роберта Олтмена в том, что голливудская киноиндустрия подготовила визуальные модели, которые были использованы террористами, равно как и то, что после теракта был отложен выход в прокат фильмов, содержащих в себе сцены, похожие на бомбардировку ТЦ. Все это, однако не помешало в начале октября 2001 года Пентагону создать группу из режиссеров и сценаристов, специализировавшихся на фильмах-

¹ Дюпе Ив. Образ катастрофы // Мир в войне: 11 сентября глазами французских интеллектуалов. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2003. С. 93.

² Kellner D. From 9/11 to Terror War: The Dangers of the Bush Legacy. Lanham-Boulder-New York –Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. P. 53.

катастрофах для работы над сценариями возможных атак и мерах по их предотвращению³.

Но что же эта аналогия с кинематографом дает для осмысления теракта 11 сентября в контексте позднего творчества Жана Бодрийяра? Взятая в философско-политическом измерении, она может послужить емкой иллюстрацией тезиса, согласно которому 11 сентября является выражением неудачи проекта глобального этико-политического и экономического порядка под руководством США, развитие которого казалось возможным на протяжении десяти лет после распада Советского Союза. Поясним. Голливудские фильмы-катастрофы – это грезы, поддерживающие статус США в качестве сверхдержавы, которая обеспечивает мир (свободу, демократию, права человека) во всем мире. (Яркий пример тому – упомянутый фильм «День независимости»). Вот почему, когда нападение происходит по лекалам голливудских блокбастеров, и когда все следствия этого нападения развивается в согласии с их общими сюжетными парадигмами (патриотическое единение нации перед лицом «врага», пафосные выступления президента по телевидению, и, наконец, сокрушительный удар по злодеям)), опуская разумеется все реальные трагические «издержки» этих следствий для сотен тысяч простых жителей стран Ближнего Востока, то оказывается, что сам упомянутый статус США – это ни что иное, как миф, ядром которого является *реальный* структурный кризис связанного с ним проекта и, следовательно, кризис современной политической логики Запада в целом⁴. А над этим и размышляет Бодрийяр в своих поздних работах.

II

Среди ведущих европейских интеллектуалов трудно отыскать того, кто бы в начале нулевых не высказался по поводу теракта 11 сентября. Можно вспомнить текст Жака Деррида «Язык иностранца», работу Славоя Жижека «Добро пожаловать в пустыню Реального», интервью Поля Вирилио «От террора к апокалипсису?», статью Сьюзен Бак-Морс «О глобальной публичной сфере» или интервью с Ричардом Рорти под заголовком «Планетарная вестернизация». Кроме того, в 2003 году вышел сборник на русском языке «Мир в войне: 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов», являющийся переводом тематического номера французского лево-ориентированного журнала «Линии» за 2002 год, где мы встречаем статьи таких маститых авторов, как Ален Бадью, Жак Рансьер и Жан-Люк Нанси.

Все эти авторы объединены общей парадигмальной установкой – все они обсуждают теракт 11 сентября в связи с проблемой кризиса западного *ratio*. В этой же связи его обсуждает и Жан Бодрийяр. Однако в отличие от упомянутых авторов Жан Бодрийяр рассматривает его не через ту или иную отдельную форму западного *ratio* – метафизическую (Деррида), психоаналитическую (Жижек) или этико-социальную (Бак-Морс), но скорее в перспективе его структурной социально-исторической трансформации. Но при этом мы покажем, что между Бодрийяром и другими теоретиками, писавшими о бомбардировке Манхэттена, могут быть проведены аналогии, позволяющие лучше понять саму его концепцию теракта 11 сентября.

Итак, Бодрийяр выделяет две линии трансформации логики Запада в связи с 11.09.01: 1) цивилизационную и 2) медийную.

³ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 24.

⁴ Дюпе Ив. Образ катастрофы // Мир в войне: 11 сентября глазами французских интеллектуалов. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2003. С. 94.

1. Начнем с первой. В чем же заключается цивилизационная трансформация Запада о которой по Бодрийяру свидетельствует теракт 11 сентября? Ответ: в появлении перспективы войны нового типа. Речь идет о том, что Бодрийяр называет «Четвертой мировой войной», которая не является традиционным противостоянием армий, а характеризуется совокупностью локальных очаговых конфликтов, объединенных общим протестом против интегральной реальности, порождаемой глобализмом. По словам Бодрийяра, первая мировая война покончила с соревнованием колониальных империй, вторая мировая война уничтожила нацизм, Холодная война, которую Бодрийяр называет «Третьей мировой» уничтожила коммунизм, после чего, казалось бы, воцарился единый всеобъемлющий порядок. Но 11 сентября является, по Бодрийяру, шагом на пути к новой мировой войне, войне с терроризмом, которую французский философ называет «Всемирной гражданской войной». Эта война отличается от всех предшествующих тем, что ей нет противостояния альтернативных цивилизационных проектов. Это война, которая характеризуется суммой очаговых бунтов против глобального порядка. Это война связана не с чем-то внешним по отношению к этому глобальному порядку, а с его же собственными противоречиями, антагонизмами, «фрактальная война отдельных клеток, которые восстают в качестве антител»⁵.

Бодрийяр здесь критикует глобализм на структурном уровне, описывая его через идею всеобщности. Бодрийяр исходит здесь из классической постструктуралистской критической предпосылки, согласно которой всеобщность есть идея господства. Всеобщность, т.е. стремление к унификации на самых разных уровнях (экономическом, культурном, религиозном и так далее) есть один из главных аспектов европейского *ratio*, который является с точки зрения французской критики неприемлемым. Идея всеобщности – «насильственна», она предполагает унификацию того, что таковой не подлежит – сингулярностей или единичностей. Последняя находит свое выражение в универсалистских политико-социальных формах, в качестве примером которых как правило приводятся имперско-националистические и тоталитарные режимы XIX, XX веков. Однако для Бодрийяра примером идеи всеобщности является именно современный глобализм (политический и культурный либерализм, транснациональный капитализм, свободная циркуляция информации и экспансия западной потребительской культуры). И в этом плане терроризм, по Бодрийяру, является реакцией на глобализм, оказываясь актом «восстановления непокорной единичности в самом сердце системы обобщенного обмена». В «Духе терроризма» он пишет, что «все сингулярности (племена, отдельные личности, культуры), которые заплатили смертью за установление глобального оборота всего и вся, управляемого единственной властью, сегодня мстят за себя с помощью террористического разворота»⁶. 11 сентября 2001 года показало, что глобальный порядок, устраняя сингулярное в его исходном позитивном виде (уникальных сообществ), возрождает его на собственном уровне в качестве различных локальных форм отрицания самого себя. В этом плане, смертники из Аль-Каиды (запрещена в России) не являются носителями какой-то уникальной (исламской) идентичности – они, по Бодрийяру, лишь являются «подвижным фронтом кристаллизации» разнородных деструктивных следствий этого глобального порядка.

Бодрийяр вынужден констатировать, что теракт 11 сентября произвел тот долгосрочный эффект, которого от него и ждали террористы. А именно: усиленное утверждение проекта глобального либерального порядка до той степени, при которой

⁵ Бодрийяр Ж. Дух терроризма\Войны в заливе не было. М.: Рипол-Классик, 2016. С. 102. См также: Федотова В.Г. Терроризм: попытка концептуализации. М.: *Pro et Contra*, 2002. № 7

⁶ Там же. С. 100.

его репрессивность становится очевидной. Уже в конце сентября 2001 года Джордж Буш-младший анонсирует, подхваченную большинством правительств развитых стран «Войну с терроризмом» (Global War on Terrorism). Война с терроризмом – это не просто война с Аль-Каидой (запрещена в России). Это война против терроризма как такового, которая, по словам Буша должна была продолжаться до тех пор, пока терроризм не будет полностью и повсеместно (на всей территории земного шара) искоренен. Вместо того, что сделать шаги к переосмыслению глобалистского проекта, правительства США и европейских стран пытаются утверждать определяющую его цивилизационную стратегию (следствием которой собственно и является терроризм) с новой силой, подключая армию и спецслужбы. Это бесконечная война, война, порождающая саму себя. Буш, вероятно, сам не подозревал насколько точным окажется первоначально предложенное ему для Войны с терроризмом официальное название «Infinite Justice» (Бесконечная справедливость).

2. Перейдем ко второму. Исходя из сказанного выше нетрудно сделать вывод, что теракт 11 сентября, как бы это извращенно ни звучало, является, по Бодрийяру, событием деконструирующим евроатлантическую политическую и целом цивилизационную рациональность. 11 сентября словно бы описывает ее границы. Сейчас мы разберем его воздействие на уровне медиа-представления.

Каким же образом оно воздействует на этом уровне? Его воздействие прежде всего связано с тем – и на это, по Бодрийяру, и, вероятно, и сделали ставку террористы – заключается в том, что в том, что он не сможет быть воспринято в качестве того, чем и он и является – негативным эффектом глобализации, а будет *виртуализовано* тотчас же в момент своего появления, что будет означать его исчезновение в качестве события (реального) и как следствие – компрометацию евроатлантической глобальной политики.

Чтобы правильно понять виртуальность теракта 11 сентября, необходимо вначале обратиться к описанному Бодрийяром образу войны в Персидском заливе 1990-1991 годов. Атака 11 сентября является, по словам Бодрийяра, «реверсией» последнего.

В своей знаменитой работе «Войны в Заливе не было» Бодрийяр исходит из того, что истинной целью войны в заливе была демонстрация глобального технологического и морального доминирования США (что было актуально в ситуации падения СССР), для реализации которой вторжение Саддама Хусейна в Кувейт оказалось лишь случайным поводом. Американцы уничтожают всякую возможность фактической войны (если не считать бомбардировок, унесших жизни более чем двух тысяч человек) изначально деморализуя иракцев своей подавляющей военно-технической и союзнической мощью, так, что те вообще не решаются дать им какой-либо вооруженный отпор, и затем конструируют искусственный (политико-идеологический) образ войны: агрессор оказывает упорное сопротивление, но в итоге оказывается сломлен – иракские войска покидают территорию соседнего государства: справедливость и мир торжествуют. Недаром Война в Заливе вошла в историю под именем «телевизионная война». Это и есть, по Бодрийяру, более глубокий смысл «чистой» или «нулевой» войны – по замыслу американских чиновников войны с минимальными потерями среди войск западной коалиции, но в действительности является войной отсутствующей, виртуальной.

Эта виртуальная война есть пример того, что Бодрийяр называет «симулякром». С понятием симулякра и логикой симуляции Бодрийяр связывает судьбу всего европейского *ratio*. Симулякр – это знак без референта, т.е. того предмета, вещи, к которой он должен отсылать. Симулякр – это знак, обретающий значение в тот момент,

когда исчезает его референт. Отсюда – различие между симуляцией и репрезентацией. Симуляция исходит из «радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии, из умерщвления всякой референтности. В то время как репрезентация пытается абсорбировать симуляцию, интерпретируя ее как ложное, поврежденное представление, симуляция охватывает и взламывает всю структуру репрезентации, превращая представление в симулякр самого себя»⁷. По Бодрийяру, изначально господствовала репрезентативная модель культуры, платоновская по своему происхождению: есть истина, выступающая в качестве «вечного» референта и знаки, подразделяющиеся на копии или подобия – «правильные» отображения этой истины – и собственно симулякры – ее ложные, искаженные отображения. Но в современную эпоху она была замещена симулятивной моделью культуры, определяющейся исчезновением референта, в результате которого остаются одни только симулякры, непрерывно продуцирующие сами себя. Бодрийяр доказывает, что все почти пятисотлетнее развитие европейской культуры (начиная с XVI по XXI века) во всех ее ипостасях было медленной диссипацией референта (если вначале в XVI веке оно еще существовало в качестве «природы» и «Бога», то позже, уже к XX века было полностью утрачено)⁸. С этого момента развитие все европейской цивилизации стало, по Бодрийяру, ассоциироваться с процессом симуляции.

В связи с обозначенной проблематикой мы в первую очередь обсудим логику медиа-симуляции. Медиа-симуляция есть симуляция события, его искусственное моделирование средствами СМИ, которое может быть его с нуля, либо тотальной модификацией события, данного в качестве феномена. Так, превращение какого-то незначительного факта в событие является симуляцией последнего. Однако главное форма медиа-симуляции – это симуляция «реального времени». Вот почему «высшая» форма медиа-симуляции – это прямой эфир. В прямом эфире мы как будто имеем дело не просто с событием, но с чем-то большим, со своего рода гиперсобытием, событием в том его виде в каком оно никогда не может быть дано фактически – наблюдаемым одновременно с разных перспектив, включающих в себя мельчайшие подробности, многочисленные интерпретации и всегда данных *hic et nunc*.

Бомбардировки иракской военной инфраструктуры самолетами Stealth, ушедшие в песок подбитые танки иракской армии, горящие нефтяные скважины, которые оставили отступающие иракские войска – все это, по Бодрийяру, симулякры реального времени. Мы видим массу видео- и аудиозаписей, фотографий, репортажей, прямых включений, комментариев с мест событий – все то, что якобы позволяет зафиксировать событие в актуальной длительности и с различных точек зрения: «...то, что мы переживаем в режиме реального времени, это не событие в натуральную величину (точнее сказать образ события в виртуальную величину), а созерцание разлагающегося

⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Издательский дом «Постум», 2015. С. 12.

⁸ Приведенное определение симулякра в рамках теории Бодрийяра относится к процессу симуляции в наиболее поздней стадии, которую ассоциирует со временем второй половины XX и начала XXI веков. А сам процесс симуляции, т.е. высвобождения и развития симулятивных стратегий идет еще с Нового Времени и характеризуется постепенной выхолащиванием референциальности. Если еще в Новое Время симулякр был «подделкой», т.е. предполагал наличие подделываемой вещи – к примеру, общество как искусственное отображение природы – то уже «производственный симулякр», существовавший с XIX и до второй половины XX века уже был только копией без оригинала, воспроизводимой в конвейерном масштабе, а после появились «симулякры кода», которые представляю собой уже полностью оторванные как от связи с промышленной серийностью, так и с природными вещами знаков, которые структурируются в качестве эквивалентных, обмениваемых друг на друга знаков. См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 115-130.

события и вызывание его духа (“спиритизм информации”: событие, ты здесь? Война в Заливе, ты здесь?) через комментарии и толкования в многословных телешоу говорящих голов, что лишь подчеркивает отсутствие какого-либо образа, соответствующего нереальности этой войны⁹. По Бодрийяру, нет «подлинного» образа войны в заливе, поскольку заведомо уничтожены ее возможности как события (антагонистического противостояния признающих друг друга сторон) – таковым могли считаться разве только что репортажи журналиста Питера Арнетта о гибели мирного населения Ирака в результате американских бомбардировок. И в этом плане, любой инфоповод (среди которых преимущество отдается более «реалистичным» аудиовизуальным образам), связанный с присутствием США в Кувейте и Ираке, оказывается значимым в процессе искусственного моделирования войны.

Перейдем теперь к обсуждению уже теракта 11 сентября. Как уже было сказано, образ атаки на ВТЦ и Пентагон следует мыслить в сравнении с образом Войны в Заливе. В обоих случаях ключевую роль играет симулятивный медиа-образ, но если в случае с Войной в Заливе он направлен на то, чтобы моделировать отсутствующее событие, то во втором – на то, чтобы стереть событие присутствующее.

Итак, по Бодрийяру, бомбардировка Нью-Йорка имеет место в качестве символического события, которому Запад не силах что-либо противопоставить. По Бодрийяру, придать теракту символический смысл и было главной задачей террористов: «Ни в коем случае не атаковать систему, исходя из соотношения сил. Это воображаемое (революционное), навязанное самой системой, которая выживает только за счет того, что заставляет тех, кто ее атакует, вести бой на всегда принадлежащей ей территории. Вместо этого перенести борьбу в символическую сферу, где основными правилами являются вызов, реверсия, повышение ставок. (...). Бросить вызов системе в виде дара, на который она не сможет ответить иначе как собственной смертью или собственным крушением»¹⁰. Что здесь пытается сказать Бодрийяр? О том, что Запад нарушил символический обмен, что является для большинства невестернизированных или декларативно вестернизированных обществ настоящим преступлением. Нарушение символического обмена, обмена агонистического по-преимуществу, состоит в том, что дар одной из сторон, производимый в условиях этого обмена, оказывается таким, что его принципиально невозможно вернуть. Дар, который делает невозможным контрдар¹¹. Этим даром собственно и являются западные ценности: демократия, права личности, свободный рынок, технологии и прочее. Этот дар можно только принять, но нет ничего, что могло быть предложено на него в обмен, т.е. что-то было бы ему эквивалентным, но при чем-то от него отличным. Именно поэтому единственным выходом для незападной культуры будет подыскать для Запада такой дар, на который он сам не сможет ответить. И этим даром оказывается символическое демонстративное унижение Запада – разрушение двух строений, олицетворяющих его могущество, в результате которого он «потерял лицо». А, по Бодрийяру, тот, кто делает дар, на который невозможно ответить, оказывается инстанцией власти, той власти, которая в итоге подрывает логику символического обмена, если выясняется, что ей невозможно ответить в принципе. И таковой после теракта оказывается терроризм или, вернее, все то в мире, что не желает ассоциировать себя с Западом. А эта ситуация для Запада – невыносима, но он может отвечать на нее только ассиметрично, опять-таки исходя из

⁹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма/Войны в заливе не было. М.: Рипол-Классик, 2016. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Там же. С. 163. Бодрийяр, опираясь на концепцию дара Марселя Мосса, определяет символический обмен в качестве фундаментального условия социального бытия архаических обществ. Символический обмен проявляется в ритуалах инициации, жертвоприношения, дарение. См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 246.

своего экономического, технологического и политического превосходства (вводить войска, накладывать санкции и так далее). В этом плане, когда Бодрийяр говорит о том, что террористы атакуют Запад на символическом уровне, он говорит о символическом реванше в тех условиях, когда символический обмен более невозможен. А это в данном случае может не может, по Бодрийяру, означать ничего иного, кроме как падение западного глобального проекта.

Удар по Западу, нанесенный 11 сентября, с точки зрения Бодрийяра, выражается в демонстративном нарушении запрета на смерть, который определяет современную западную (и не только) культуру. (Война в Заливе как война без потерь является, по Бодрийяру, одним из наиболее явных форм его проявления). В работе «Символический обмен и смерть» Бодрийяр выдвигает тезис, согласно которому запрет на смерть ведет за собой смерть всей той социальной системы, где он имеет место. Речь идет о своего рода квазисмерти, которая осуществляется при жизни самого сообщества, которую Бодрийяр определяет через понятие «последствия». Попробуем пояснить. По Бодрийяру, смерть – это граница между живым и мертвым, переход от одного к другому. О смерти мы можем говорить только тогда, когда между живым и мертвым есть какое-то различие и напряжение, к примеру, когда мы говорим о различии между духами предков и живыми людьми, обсуждая архаические культуры, или, когда речь заходит о загробной и мирской жизни в контексте языческих верований или христианской догматики. И в этом случае символика мертвого всегда присутствует в рамках пространства социального бытия в качестве того, что собственно и фиксирует, делает явным упомянутое различие (усыпальницы, кладбища, гробницы урны, курганы, склепы и так далее. Тут Бодрийяр обсуждает «выдворение мертвых», при котором на Западе символика мертвого изгоняется из общественного пространства или маскируется (например, выведение кладбищ на окраины города), что является актом ликвидации смерти как различия между живым и мертвым. В этом плане, общество или культура, где произошла подобная ликвидация уже не может называться не живым, ни мертвым, его существование можно назвать посмертным или постжизненным. Такое общество и является, по словам Бодрийяра, обществом «безразлично-фатального последствия»¹². Именно это подразумевает Бодрийяр, говоря, что «террористам удалось сделать из своей собственной смерти абсолютное оружие против системы, которая существует за счет исключения смерти и идеалом которой является нулевая смерть»¹³. Террористы лишь демонстративно актуализируют уже состоявшуюся смерть Запада в самом его сердце, что и является для него символическим оскорблением.

Бодрийяр полемизирует с Каролиной Генрих, которая утверждает, что теракт 11 сентября является попыткой противопоставить западному нигилизму систему высших ценностей, основанную на радикальном исламе. С точки зрения Генрих, террористический фундаментализм Аль-Каиды (запрещена в России) – это новая метафизика идентичности, а теракт – это акт демонстрации преимущества истинных ценностей над фиктивными ценностями Запада. Однако, с точки зрения Бодрийяра, терроризм Аль-Каиды (запрещена в России) в действительности не предполагает обоснования каких-то ценностей, и не имеет отношения к традиционному исламу. По Бодрийяру, символизм 11 проявляется не в «дискурсе, а в самом действии»¹⁴. Символический смысл несет в себе лишь сама бомбардировка ВТЦ и Пентагона, являясь выражением простого отрицания системы: «Террористы атакуют систему интегральной реальности действием, которое в сам момент его совершения не имеет ни

¹² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 235.

¹³ Бодрийяр Ж. Дух терроризма \ Войны в заливе не было. М.: Рипол-Классик, 2016. С. 106.

¹⁴ Там же. С. 146, 147.

истинного смысла, ни референции в ином мире. Речь идет о том, чтобы просто разрушить систему – которая сама безразлична к собственным ценностям – ее собственным оружием»¹⁵. Бодрийяр хочет сказать, что террористы сами являются продуктом логики симуляции и послезития, которые лишь возвращают последних их первоисточнику в наиболее радикальной форме. Упрощая, можно сказать, что Запад выразитель пассивного нигилизма, тогда как исламизма – нигилизма активного.

Помимо всего прочего символическое значение теракта 11 сентября дано на уровне созерцания. По словам Бодрийяра, образ теракта поглощает его событие, но тем самым придает ему «небывалую силу воздействия» в качестве «события-образа»¹⁶. Образ, многократно усиленный медиа-воспроизведением, оказывается проводником символического воздействия террористического насилия. Приведем цитату: «Первично не насилие реального, к которому затем добавляется острое ощущение от образа, первичен скорее образ, к которому добавляется острое ощущение от реального. Что-то вроде сверхфигции, фикции, идущей за пределы фикции»¹⁷. Итак, хоть теракт 11 сентября нельзя описать в качестве «вторжения реального», поскольку связь данного в созерцании образа с реальным дается через сверхфиктивность (ирреальность) самого этого образа. Террористическое реальное как терроризм образа. По Бодрийяру, чудовищная ирреальность образа – это аналог или символ реального, которое никогда не может быть дано непосредственно. Она отсылает к тому, что в принципе невоспринимаемо, к своего рода нередуцируемому отсутствию, что и оказывается самим событием. Отметим, что рассуждения Бодрийяра о символизме образа 11 сентября близки психоаналитическим штудиям Славоя Жижека, согласно которому реальное в теракте 11 сентября не может быть пережито в силу того, что является слишком травматичным (избыточным) для нашего опыта и потому может созерцаться только в качестве «кошмарного видения»¹⁸. Рассуждения обоих авторов заставляют вспомнить о кантовском «аффекте возвышенного», который вызывает в субъекте созерцание катастрофических явлений природы (извержений вулканов, штормов, наводнений): в момент этого созерцания воображение субъекта расширяется до максимума, отсылая к упомянутым явлениям как к чему-то трансцендентному и тем самым оказываясь косвенным знаком его фактического присутствия. Однако для Жижека созерцание 11 сентября – это скорее один из многих возможных примеров проявления реального в психических фантазмах, где конкретная природа этого реального не слишком важна. Бодрийяр же настаивает на том, что в этом созерцании реальное дано именно в качестве крушения глобальной системы (символически представленное в виде обрушения башен-близнецов), неприятие которой, по словам французского философа, сидит у каждого в глубине души, ибо каждый суть часть того универсума единичностей, который ей сопротивляется.

Теперь, что касается упомянутого отказа допустить 11 сентября в качестве события кризиса глобализации. Бодрийяр полагает, что террористы сознательно сделали ставку на то, что система, олицетворяемая США и странами Запада, откажется интерпретировать теракт в качестве свидетельства своего структурного поражения (своей симулятивности и нежизнеспособности), но будет понимать его точно так же, как и теракты в Третьем мире, то есть как эксцессы своего в целом правильного развития. Для нее это означает, что не только не нужно отказываться или каким-то образом пересматривать свою политику, но, наоборот, усиливать заданный ей тренд. А

¹⁵ Там же. С. 146.

¹⁶ Там же. С. 114.

¹⁷ Там же. С. 116.

¹⁸ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 28.

это, по Бодрийяру, уже само по себе приводит его к фатальным трансформациям. Вот, что он пишет: «...либеральная глобализация будет осуществляться в форме совершенно противоположной: в виде полицейской глобализации, тотального контроля и террора безопасности. Либерализация закончится максимальным принуждением и ограничением и приведет к созданию общества, которое будет максимально приближено к фундаменталистскому»¹⁹. В этот-то и есть скрытое сообщничество американских властей и террористов. Первые невольно выполняют завет вторых. Бодрийяр хочет сказать, что защита глобальной либерального проекта приведет к господству средств обеспечения безопасности, контроля и военной силы, что ликвидирует ее саму.

Почти мгновенно после теракта 11 сентября было объявлено, что теракт организовала Аль-Каида (запрещена в России). После этого сразу начали выходить расследования, специализированные ток-шоу, обсуждающие связь теракта с исламистами, религиозными экстремистами и исламом как таковым, порождающих в обществе атмосферу страха, затерроризованности и ксенофобии. За каждым событием видели руку Аль-Каиды (запрещена в России). К примеру, можно вспомнить историю с рассылкой порошка с бактериями сибирской язвы, которую долгое время считали делом рук той же Аль-Каиды (запрещена в России), пока, наконец, не были установлены совершенно другие виновные, по всей видимости, не имевшие к ней отношения. Каждое событие, хоть сколько-нибудь представляющее угрозу, подпадало теперь под подозрение в связи с исламом. В обществе вспыхнула массовая параноидальная истерия. Терроризму приписывается теперь все формы «насилия и дестабилизации порядка: информационный терроризм, биологический терроризм – все приписывается Бен Ладену. Терроризм мог бы записать в свой актив даже стихийные бедствия»²⁰. С точки зрения Бодрийяра, все это печальное свидетельство того, что террористы добились своего.

Кроме того, Бодрийяр указывает на подъем конспирологического мышления на фоне терактов, ярким примером которого является книга Тьерри Мейсана «Чудовищная махинация», где доказывается, что теракт 11 сентября был организован ЦРУ. Причиной конспирологического мышления является как раз отказ от взвешенного и тщательного критического осмысления терактов. Сторонники конспирологии в большей степени, чем кто-либо другой заражены негационизмом – тотальному недоверию к самым очевидным фактам и доводам, рождающемуся в условиях коллективной паранойи и являющемуся ее наихудшим проявлением²¹. Нет ничего, что не было бы результатом чьего-то заговора – масонов, евреев или «рептилоидов». Проблема, по Бодрийяру, осложняется еще и в том, что конспирология произрастает на благоприятной для себе почве, поскольку часто в истории были прецеденты того, когда выяснялась что несчастные случаи или произвольные события были срежиссированы спецслужбами, преступными или террористическими группами. (Бодрийяр, в частности, приводит в пример взрыв самолета над Локерби, которые некоторое время считали следствием технической неисправности, а не терактом).

III

Сегодня мы видим, что описанный Бодрийяром кризис проекта глобального политического порядка только подтверждаются. Повсеместно наблюдаются процессы

¹⁹ Там же. С. 118.

²⁰ Там же. С.119.

²¹ Там же. С. 151.

сепаратизма и регионализации. Brexit, курс США на экономический изоляционизм и национальное развитие, конфликт в Сирии и на Востоке Украины – только малая часть примеров, подтверждающих наличие этих процессов.

И, наконец, если говорить в связи с временем после 11 сентября том мы можем проследить схожие тенденции, что и в западном восприятии терроризма. Неудачное вступление России в глобальный порядок (провал экономических и политических реформ начала 1993 года, упадок высокотехнологичного производства) 1990-2000 годы повлекло за собой острую на него реакцию в форме радикально-консервативной и охранительной идеологии. В этом плане, Россия являет схожий пример неприятия вестернизации, что и исламистские организации, хотя не обладающей и малой долей их радикализма и иначе культурно-оформленный. Как и последние, Россия в противовес западному миру апеллирует к архаическому прошлому, выводит свою особую миссию из своего коммунистического и царско-имперского исторического наследия. Величие России – в том ее имперском размахе, который был характерен для нее в XIX веке, в геополитическом влиянии почившего Советского союза. Однако проблемы у этого пути такие же, что и у идеи исламского халифата: он не несет в себе никакого позитивного порядка. Всякий раз оказывается, что прошлое, к которому он апеллирует, невосстановимо, а оказывается лишь формой отрицания либерального политического порядка. Вся русская «духовность» заключается в том, чтобы подчеркнуть дискредитацию этих ценностей, но сама по себе она не имеет черт альтернативного пути развития.

Так, к примеру, многочисленные международные скандалы, в который попала Россия в последнее время (Вмешательство в выборы президента США, отравление Скрипалей и другие) безразлично к тому, имела ли к ним Россия отношение де факто или нет, вызывают столько острую реакцию Запада во-многом потому, что они воспринимаются им символически. В самом деле, все политологи на сегодняшний день признают, что даже если вмешательство российских спецслужб в американские выборы и было (агитация в социальных сетях), то было ничтожным и никак не могло реально повлиять на их исход, но при этом оно было именно унижительным для американской избирательной системы. То же самое касается истории с подменой допинг-проб на Олимпийских играх в Сочи 2014 года и пресловутым отравлением в Солсбери. Действия России воспринимаются в качестве повсеместного «троллинга» Запада, который собственно и является средством его дестабилизации.

Литература

Kellner D. From 9/11 to Terror War: The Dangers of the Bush Legacy. Lanham-Boulder-New York –Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. P. 53.

Бодрийяр Ж. Дух терроризма/Войны в заливе не было. М.: Рипол-Классик, 2016. С. 102.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 115-130.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Издательский дом «Постум», 2015. С. 12.

Вирилио П. Информационная бомба. М.: Гнозис, 2002.

Дюпе Ив. Образ катастрофы // Мир в войне: 11 сентября глазами французских интеллектуалов. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2003. С. 94.

Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Федотова В.Г. Терроризм: попытка концептуализации. М.: Pro et Contra, 2002.

№7.

References

Kellner D. From 9/11 to Terror War: The Dangers of the Bush Legacy. Lanham-Boulder-New York –Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. P. 53.

Baudrillard J. The Spirit of Terrorism / [The Gulf War Did Not Take Place](#) [Moscow: Ripol-Classic, 2016.] (In Russian).

Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death [Moscow: Dobrosvet, 2000.] (In Russian).

Baudrillard J. [Simulacra and Simulation](#) [Moscow: Publisher house “Postum”, 2015] In Russian.

Virilio P. The Information Bomb. [Moscow: Gnosis, 2002.] (In Russian).

Žižek S. Welcome to the desert of the real [Moscow: Fund “Pragmatic of culture”, 2003.] (In Russian).

Fedotova V.G. Terrorism: attempt to conceptualizing [Moscow: Pro et Contra, 2002. № 7.] (In Russian).

Social-political aspects of postsecular civilization. The 11/09/01 image in Jean Baudrillard’s philosophy: western globalization unconscious and Russian context.

B.V. Podoroga, Institute of Philosophy RAS
boris.podoroga@gmail.com

Abstract: In the present article we will try to analyze the late philosophical creation of Jean Baudrillard pushing from drawn by him problem of global political order crisis with the 11/09/01 as it’s symptom. We’ll do it with the support on his works dated by the period of 1990 and 2000 (‘The Gulf War Did Not Take Place’, ‘The Spirit of Terrorism’, ‘Hypotheses on terrorism’, ‘Under the Mask of War’ and others). We will reconstruct logic, which makes 11/09/01 an expression of global political project decline in the frame of which it is disclosed as the modern West-European political myth. Two key aspects this logic will be considered: civilization and media. If the former is determinate by the negative dialectic of global and singular (affirmation of global, which, on Baudrillard, annihilate unique cultures and societies leads the resurrection of singular on the level of simple negating of global, expression of which terrorism becomes), the latter – in 11 September media image destabilization effect, which presents itself like an image of symbolic collapse of western project of global order (the crash of its economic and political centers – World Trade Centre and Pentagon) and trigger of its social transformation, in the frame of which it lost its liberal project form, directed on the human rights and freedom defense and becomes a police order, bounded with control, intimidation and security cult. We will show that Russia in the context of deep globalization crisis unfolded after 11/09/01 and continued in the present time becomes a mean on symbolic destabilization of the west.

Keywords: Jean Baudrillard, terrorism, simulation, the real, symbol, 11 of september, media.